

М.Н. Покровский

Русская история с древнейших времен

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М.Н. Покровский
М11 Русская история с древнейших времен: Том 1 / М.Н. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 268 с.

ISBN 978-5-458-52289-2

«Русская история с древнейших времен» писалась 10 лет тому назад. Если в науке русской истории с тех пор не произошло перемен, которые побуждали бы к большему, нежели частичные переделки, в общем % на 10 всего текста,—то в жизни, в мировоззрении вообще, прошло столетие. Нет ни одного вопроса русской истории, до самых древних ее слоев, к которому мы теперь не подходили бы по новому. Я уже не говорю о таких «актуальных» сюжетах, как Петровская реформа или декабристы: тут, может быть, мы сами или наши ученики через десять лет признают совершенно устаревшими те схемы, что казались верхом дерзости и новизны десять лет назад. Книгу следовало бы переиздать к 1930 году — но ее спрашивают теперь, в 1922, и нет другого курса русской истории, более марксистского, чем настоящий: как ни мало он удовлетворителен с точки зрения теперешнего марксиста. Новое издание вынуждается, таким образом, в первой линии педагогическими потребностями. Но для первоначального ознакомления с тем, как понимают русскую историю историки-материалисты, приблизительно достаточно и существующего текста. В основном это перепечатка старого текста, и сейчас, в 1922 году, ничего с этим не поделаешь.

ISBN 978-5-458-52289-2

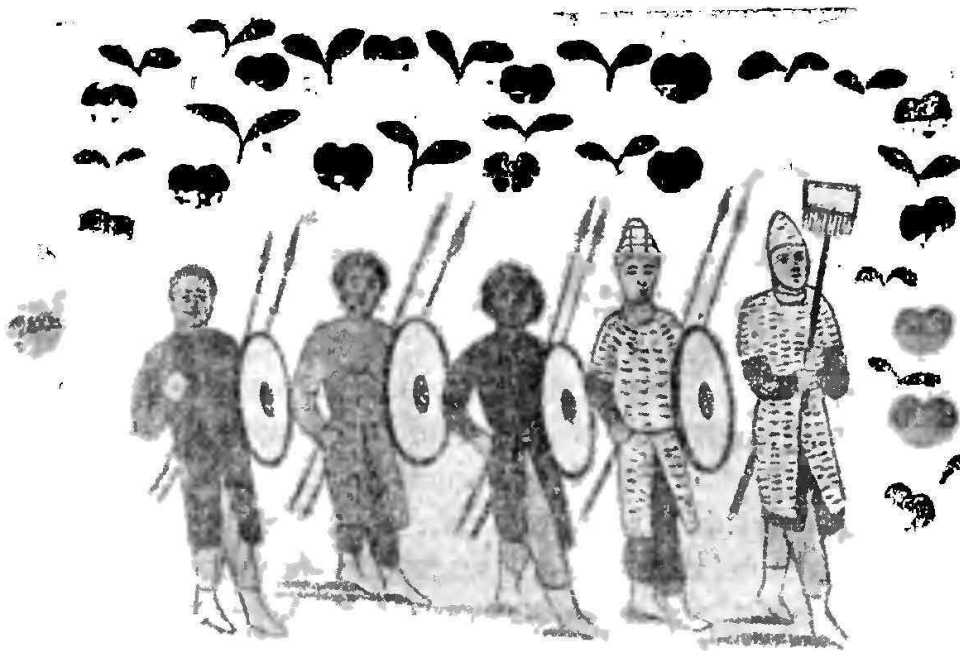
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Фрески катакомбы, открытой в Керчи в 1872 г.; в целом они изображают жизнь и подвиги неизвестного пантикапейского военачальника.

Г Л А В А I.

Следы древнейшего общественного строя.

ще писатели XVIII века никак не могли помириться на том, с чего начала древняя Русь. В то время, как пессимисты, вроде кн. Щербатова или Шлецера, готовы были рисовать наших предков X столетия красками, заимствованными с палитры современных этим авторам путешественников, создавших классический тип «дикаря», чуть что не бегавшего на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались почти просвещенными европейцами в стиле того же XVIII века. Щербатов объявил древних жителей России прямо «кочевым народом». «Хотя в России прежде ее крещения,—говорит он,—и были грады, но оные были яко пристанища, а в протчем народ, а особливо знатнейшие люди, упражнялся в войне и в набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жил». «Конечно, люди тут были.—солидно рассуждал Шлецер,—Бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и пти-

цам, которые наполняли их леса». Древние русские славяне были столь подобны зверям и птицам, что торговые договоры, будто бы заключенные ими с греками, казались Шлецеру одной из самых наивных подделок, с какими только приходится иметь дело историку. «Неправда,—возражали Щербатову и Шлецеру оптимисты вроде Болтина,—руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы». А известный экономист начала XIX века, Шторх, не только признает за русскими славянами времен Рюрика торговлю, но и объясняет из этой торговли и созданного ею политического порядка возникновение самого Русского государства. «Первым благодетельным последствием» ее было «построение городов, обязанных, может быть, исключительно ей и своим возникновением и своим процветанием». «Киев и Новгород скоро сделались складочными местами для левантской торговли; в обоих уже с древнейших времен их существования поселились иностранные купцы». Эта же торговля вызвала второй, несравненно более важный переворот, благодаря которому Россия получила прочную политическую организацию. Предприимчивый дух норманнов, их торговые связи со славянами и частые поездки чрез Россию положили основание знаменитому союзу, подчинившему великий многочисленный народ кучке чужеземцев». И дальнейшую историю Киевской Руси, походы князей к Царьграду и борьбу их со степью Шторх объясняет теми же экономическими мотивами, цитируя и так хорошо известный всем теперь, благодаря курсу проф. Ключевского, рассказ Константина Багрянородного о торговых караванах, ежегодно направлявшихся из Киева в Константинополь.

Заново обоснованные и тонко аргументированные взгляды Шторха получили большую популярность в наши дни, но они несколько не убедили современников-пессимистов. Шлецер объявил теорию Шторха «не только не ученой, но и уродливой мыслью», и согласился сделать разве ту маленькую уступку, что начал сравнивать русских славян не со зверями и птицами, а с американскими краснокожими, «ирокезами и алгонкинцами». Спор так и перешел нерешенным к последующему поколению, где оптимистическую партию взяли на себя славянофилы, а продолжателями Шлецера и Щербатова явились западники. «По свидетельству всех писателей отечественных и иностранных, русские издревле были народом земледельческим и оседлым,—говорит

Беляев. По словам Нестора, они и дань давали от *дыма и рала*, т.-е. с двора, с оседлости и с сохи, с земледельческого орудия». Западники не доходили, правда, ни до признания русских славян кочевниками, ни до сравнений с американскими краснокожими. Но нельзя не заметить, с каким явным сочувствием Соловьев приводит летописную характеристику восточно-славянских племен. «Исключая полян,—говорит Соловьев,—имевших обычай кроткие и тихие..., нравы остальных племен описаны у него (летописца) черными красками: древляне жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинакий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но игрища между селами, где молодые люди, сговорившись с девицами, похищали их». Сам Соловьев прекрасно понимал, повидимому, что это не объективное изображение быта древлян и северян, а злая сатира монаха-летописца на язычников и полянина—на враждебных полянам соседей: что начальная летопись недалеко ушла в этом случае по своей исторической точности от щедринской «Истории одного города». Но он не мог воздержаться от искушения повторить эту обличительную характеристику: слишком уж она хорошо согласовалась с тем представлением о славянах, какое сложилось у самого Соловьева. «Городов (у русских славян), как видно, было немного,—говорит он в другом месте уже от себя:—знаем, что славяне любили жить рассеянными, по родам, которым леса и болота служили вместо городов; на всем пути от Новгорода до Киева, по течению большой реки, Олег нащел только два города—Смоленск и Любеч... В средней полосе у радимичей, дреговичей и вятичей не встречается упоминаний о городах...»

Если какой-нибудь спор долго длится, не находя себе разрешения, то обыкновенно виноваты здесь бывают не одни спорящие, а и самый предмет спора. И в пользу сравнительно высокого уровня экономической—а с нею и всякой другой—культуры славян в древнейшую эпоху, и в пользу низкого уровня этой культуры источники давали достаточно доказательств; из одной и той же летописи мы узнаем и о дикости вятичей с братиею, и с торговых договоров древней Руси с греками. Что считать правилом для древней Руси, что исключением? Что было частным случаем, индивидуальной особенностью одного племени, и что общим достоянием всех славянских племен? Ответить на это

можно, лишь отступив несколько назад от тех аргументов, которыми обменивались стороны в приведенных выше выписках. «Нестор», или как бы его ни звали, начальный летописец, застал славян уже разделенными, и начинает свой рассказ с перечисления разошедшихся в разные стороны, но еще не позабывших друг друга славянских племен. Если бы мы могли составить себе хотя какое-нибудь представление об экономической культуре славян до этого разделения, когда они еще жили вместе и говорили одним языком, мы получили бы некоторый *minimum*, общий, конечно, и всем русским славянам: перед нами был бы тот основной фон, на котором вышивали столь разноцветные узоры греческие и скандинавские влияния, христианская проповедь и левантская торговля. Этот фон до некоторой степени мы можем восстановить по данным *лингвистики*: общие всем славянским наречиям культурные термины намечают их общее культурное наследство, дают понятие об их быте не только «до прибытия Рюрика», но и до того времени, как «волохи», т.-е. римляне, нашли славян сидящими по Дунаю и вытеснили их оттуда.

Лингвистические данные намечают, прежде всего, одну характерную черту этого архаического быта: славяне исстари были народом промысловым, и промыслы их были преимущественно, если не исключительно, *лесные*. Во всех славянских языках одинаково звучат название *пчелы*, *меда* и *улья*: бортничество является, повидимому, коренным славянским занятием. Косвенно это указывает и на первоначальное местожительство славян: бортничество мыслимо только в лесной стороне. Это лесное происхождение наших предков вполне согласно и с другими, лингвистическими же, указаниями. Славянское название жилища—*дом*, несомненно, в родстве, хотя и дальнем, с средневековым верхне-немецким *Zimber*—«строевой лес» и обозначает, конечно, деревянную постройку. Напротив, каменная кладка, кажется, вовсе не была известна славянам до разделения: все относящиеся сюда термины—заимствованные. Наше *кирпич* есть турецкое слово *kerpidz*, древнейшее славянское *плинфа*—греческое, точно так же, как и название *известки*, древнейшее *вапно* (от греческого $\beta\alpha\varphi\eta$) и новейшее *известь* (от греческого $\alpha\beta\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ —негашеный). И в то время, как южные и западные европейцы имеют особое слово для обозначения каменной стены (латинское *muŕus*, откуда немецкое *Mauer*), в славянских языках особого термина для этой цели и поднесь не существует.

Археологи, на основании своих соображений, склоняются к мысли, что славяне были автохтонами восточной Европы, истари жили на тех местах, где застала их история. Лингвистика в этом случае подтверждает археологию: северная, большая, половина восточно-европейской низменности, и теперь лесная страна по преимуществу, как нельзя лучше отвечает по своей природе такой лесной культуре, какую мы находим у славян. На основании данных общеславянского словаря, с одной стороны, географической номенклатуры—с другой, издавна делались попытки установить «прародину славянского племени» и более детально. Уже Надеждин в 30-х годах прошлого столетия находил «первоначальное гнездо славян» в нынешних Волинской и Подольской губерниях, захватывая и ближайшие австрийские области к западу, до северного подножия Карпат. Новейший исследователь вопроса, проф. А. Погодин, также считает славянской родиной «страну гористую и обильную болотами, как Волянь», ссылаясь на общность таких терминов, как холм, скала, гора, яр (узкая долина), юдоль, дебрь (заросшая лесом долина), яруга (болотистая долина) и т. п.¹⁾ Этот пример показывает, между прочим, как опасна подобная детализация: скалистой, с точки зрения жителей и гористой, обильной болотами, является и Финляндия не в меньшей степени, чем Волинская губерния: весь приведенный словарь отлично мог бы быть приурочен и туда, не зная мы из других источников, что славяне там никогда не жили. С другой стороны, лесную культуру, аналогичную пра-славянской, как рисует ее нам лингвистика, можно найти на восточно-европейской равнине по всему ее протяжению много ранее того хронологического предела, до которого решается выслеживать славян современная наука. Еще Геродот в V в. до Р. X. указывает в этих местах «многочисленный народ» гелонов и будинов, при чем последние со своими «светло-голубыми глазами и рыжими волосами» отвечают, если угодно, и антропологическому типу древних славян, как известно, гораздо более белокурых, чем современные²⁾. У этих народов были города, дома, храмы и идолы—все деревянное. Они занимали, по Геродоту, огромное пространство от озерной области на северо-западе до нынешней Саратовской губернии на юго-востоке. Часть их, именно будины, жили лесными промыслами: били пушного зверя и питались, между прочим, «еловыми шиш-

¹⁾ «Из истории славянских передвижений», стр. 90.

²⁾ Подробнее о наружном виде древних славян см. у Пидерле:—«Словенские древности», рус. пер., I. стр. 114 и сл.

ками», т.-е. кедровыми орехами. Другие, гелоны, были земледельцами, употребляли в пищу хлеб, занимались и садоводством. «Эллины,—говорит Геродот,—часто смешивают будинов и гелонов,—но это два разные народа». Из его описания скорее можно понять, однако, что это два культурных слоя одного и того же народа—один отчасти эллинизованный, другой—вовсе не тронутый эллинским влиянием. Особенную этнографическую окраску гелонам давало именно греческое влияние: «первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов»; некоторые из этих греческих колонистов сохранили, по словам Геродота, и свой язык. Так, за 400 лет до Р. Х. культура приходила к народам северо-восточной Европы тем самым путем, по которому она шла в VIII веке нашей эры, и уже при Геродоте здесь были торговые города со смешанным полуэллиниским, полуварварским населением и эллинистической культурой—далекие предшественники «матери городов русских».

Итак, на восточно-европейской равнине, в нынешней Московской или Владимирской губерниях, существовало земледелие с незапамятных времен, а славяне были на этой равнине автохтонами. Вывод, который отсюда можно сделать, вполне благоприятен Беляеву: а priori как нельзя более вероятно, что и славяне,—допустив даже, что будины Геродота не стоят с ними ни в какой генетической связи—были земледельцами уже до разделения. Лингвистика и это подтверждает: земледельческие термины—*пахать* (орати), *жать*, *косить*, названия *плуга* и *бороны*, главных видов хлеба, знакомых нашим широтам,—*овес*, *ячмень*, *рожь* и *пшеница*—общие у всех славянских племен. Общее у них и название хлеба, как предмета питания,—*жито*, и всего характернее, что это название (одного корня с *жизнью*) употребляется и для обозначения всей пищи вообще: значит, хлеб не только ели, но, как и у теперешнего русского крестьянина, он составлял основу древнеславянского питания, был пищей по преимуществу. Если бы мы остановились на этом, то и вопрос о древнеславянской культуре должен был бы, повидимому, решиться в оптимистическом направлении. Но та же лингвистика безжалостно разрушает приятную иллюзию: просвещенные земледельцы-славяне жили, по всей видимости, в *каменном веке*. Все названия металлов у славян или описательные (*руда*—нечто красное, отсюда это слово обозначает одновременно и *кровь*, и красный железняк-гематит; *злато*—нечто желтое и блестящее и т. п.), или заимствованные,

как и название каменной стройки: *серебро* от древнего северногерманского *silfr* (теперешнее немецкое *Silber*), *медь*—средневековое верхне-немецкое *Smide* (металлическое украшение) и т. д. Древнейшие славянские погребения в Галиции все с каменными орудиями, металлы встречаются лишь в позднейших.

Со старой точки зрения мы и тут наталкиваемся на непримиримое противоречие: земледелие, по старому взгляду, одна из высших ступеней экономической культуры, оно предполагает уже две пройденные ступени,—охоту и скотоводство. Как могли славяне проделать эту длинную эволюцию, не изменив самого первобытного способа изготовления орудий—из камня? Новейшая экономическая археология и этнология дают нам, однако, возможность устранить это кажущееся противоречие очень легко. Наблюдения над современными дикарями показали весьма убедительно всю фальшивость старой схемы хозяйственного развития: охота—скотоводство—земледелие. Эта старая схема отправляется от совершенно правильного общего положения, что человек начинает с таких форм хозяйственной деятельности, которые требуют от него наименьшей затраты энергии, и постепенно переходит к все более и более трудным. Но создатели этой схемы не имели представления о каких-либо иных способах охоты, скотоводства и земледелия, кроме тех, какие встречаются у так называемых «исторических», т.-е. более или менее культурных, народов. От того, что легко или трудно для культурного человека, умозаключали к тому, что легко или трудно для человека первобытного, т.-е. для дикаря. Но дикарь, несомненно, начал с таких способов добывания пищи, которые легче самого легкого из наших: он начал с того, что собирал даровые продукты природы, не требующие вовсе труда для своего приобретения,—начал с собирания дико-растущих плодов, кореньев и т. п. Как и высшие обезьяны, человек сначала был животным «плодоядным». Его животная пища первоначально, вероятно, состояла из раковин, улиток и тому подобных, тоже без труда достающихся пищевых средств. Некоторые очень низко стоящие племена Бразилии и поднебесь не пошли дальше этого «собирания». Единственные следы деятельности прибрежных племен южной Бразилии представляют огромные кучи пустых морских раковин, длинными рядами тянущиеся вдоль морского берега. После отлива туземцы выходят на обсохший песчаный берег, собирают принесенные приливом раковины и успокаиваются до следующего отлива. В этом—вся их

«охота». По количеству затрачиваемого труда этот способ добывания пищи не идет ни в какое сравнение с настоящей охотой за зверем или птицей или с рыбной ловлей при помощи сетей, удочек и т. п. Настоящие охотники и звероловы отнюдь не принадлежат к «низшим» племенам: краснокожие Северной Америки додумались до зачатков письма и не чужды художественной деятельности, а они живут исключительно только охотой. Обитатели Западной Европы каменного века, повидимому, тоже были охотниками, а найденные при раскопках орудия их поражают совершенством и даже изяществом отделки: изображения головы лося, табуна лошадей на одном жезле, или вырезанное на кости изображение мамонта сделали бы честь и не-дикарю. Охота, несомненно, проще нашего земледелия, с применением животного труда, — лошади или быка; но эта форма земледелия далеко не единственно возможная и даже наименее распространенная. Среди некультурных племен гораздо употребительнее другая форма хлебопашества, которую немецкие исследователи окрестили Haskbau, что по-русски переводят «мотыжное земледелие». Его отличительная особенность состоит в том, что оно ведется исключительно человеческими руками и почти без всяких инструментов, потому что первобытная мотыга не что иное, как развилистый сук, которым разрыхляют землю перед тем, как бросить туда семена. Такой инструмент куда проще лука и стрел или пращи и, вероятно, был самым ранним изобретением человека в области техники. И масса энергии, которая требуется для мотыжного земледелия на девственной почве, конечно, значительно меньше того количества силы, которое нужно затратить, чтобы справиться с крупным зверем. Мотыжное земледелие легче охоты, и есть все основания думать, что оно было самым ранним из правильных способов добывания пищи. Оно вовсе не связано с оседлостью, напротив, необходимо предполагает бродячий образ жизни: так как верхний слой почвы, единственно доступный такой обработке, должен быстро истощаться, то культура носит поэтому очень экстенсивный характер и требует огромной, сравнительно, площади земли. Охота является, вероятно, на первых порах, подспорьем мотыжному земледелию: человеческий организм нуждается в известном количестве соли, а дикарь не имеет часто средств достать ее иначе, как в мясе, — сыром мясе с кровью. Весьма возможно, что так как человеческое мясо всего легче добыть, то человек и начал свой мясной стол с антропофагии и уже потом перешел к мясу

животных. Географическая обстановка решала дальнейшее: племена, попавшие в районы, обильные дичью или рыбой, скоро стали смотреть на охоту или рыболовство, как на основное занятие, а на земледелие,—как на подсобное. Там, где был богатый запас растительной пищи, прогрессировало, напротив, это последнее. Нет, однако, народа, который питался бы исключительно животной пищей. Без растительной приправы к столу жить нельзя, тогда как вполне возможно обойтись одной растительной пищей. В этом случае сравнительная этнология вполне на стороне вегетарианства. Напротив, совершенно неверен взгляд, в силу которого скотоводство развилось из охоты и служило первоначально средством иметь под руками постоянно запас мяса. Э. Ган блестяще доказал, что приручение самого крупного и ценного вида скота связано не с охотой, а именно с земледелием, и что бык служил сначала не как мясной, а как рабочий скот. Приручившие быка патриархи земледелия даже и не ели говядины, как не едят ее до сих пор самые старинные земледельческие народы—индусы и китайцы.

Если мы от этих аналогий и косвенных указаний лингвистики обратимся к древнейшим письменным свидетельствам о восточных славянах, к древнейшим текстам, мы найдем в них полное подтверждение приведенной выше характеристики этих славян, как народа земледельческого, но стоящего в то же время на очень высокой ступени культуры.

Ранее всего из более или менее цивилизованных людей столкнулись с нашими предками арабы, успевшие побывать в России ранее даже греков: по крайней мере, первые показания очевидцев о славянском быте и культуре принадлежат именно арабским путешественникам и встречаются у компилировавших рассказы этих последних арабских географов. Одно из наиболее важных показаний этого рода мы находим в «Книге драгоценных сокровищ» компилятора Ибн-Даста, писавшего в первой половине X века,—но источники его значительно старше. Ввиду важности этого текста мы приведем оттуда целиком то, что относится к экономической культуре восточных славян: что речь идет именно о них, доказывает название их столицы—по Ибн-Даста «Куяба», т.-е. Киев. «Страна славян—страна ровная и лесистая; в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный сберегается.

Это называется у них сидж, и один кувшин заключает в себе около 10 кружек его. Они пасут свиней наподобие овец...» (Дальше идет рассказ о погребальных обычаях славян, который будет рассмотрен в другом месте) «...Более всего сеят они просо...» «...Рабочего скота у них мало, а верховых лошадей имеет только один упомянутый человек» (свят-царь). «Холод в их стране бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, наподобие (крыши) христианской церкви, и на крышу накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, зажигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают уже одежду»¹⁾).

Кое-что в этом рассказе о вещах, которые самому автору, видимо, рисовались довольно смутно, можно отнести на счет простого недоразумения: так, в литературе уже давно отмечено, что славянскому меду Ибн-Даства усваивает название, какое носил этот напиток у волжских болгар, ближайших посредников для арабов в сношениях с восточными славянами. Совершенно очевидно также, в последних строках, смешение славянского *жилья*—землянки—с *баней*, хорошо известной нам для той эпохи и из других описаний. С первого взгляда может показаться, что и резким противоречием двух фраз: «пашен у них нет» и «сеют они просо»—мы обязаны такому же недоразумению. Но, упомянув рядом с пашнями *виноградники*, Ибн-Даства ясно показал, что, с его точки зрения, тут никакого недоразумения не было: под *пашнями* арабский писатель разумел то, что зовется так в культурных странах, поля, на которых год из году занимаются земледелием, как в виноградниках год из году культивируют виноградную лозу. Таких постоянных пашен он и не находил у славян, живших в лесу и сеявших свое просо каждый год на новом месте. С этой стадией земледельческой культуры отлично вяжется и другое показание нашего автора о слабом развитии скотоводства у славян. Оно уже было, но в зачаточном состоянии; расцвет его лежал впереди—для XII века мы имеем уже несомненные свидетельства того, что пахота с помощью лошади была

¹⁾ Цитируем по переводу А. Я. Гаркави, «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», стр. 264—267.